

В.Н. Василенко
кандидат филологических наук
Харьковский университет

КИЕВСКИЕ ИСТОЧНИКИ РУКОПИСНЫХ МАТЕРИАЛОВ Ю.И.КРАШЕВСКОГО

В обильной яркими талантами литературе Польши XIX века Юзеф Игнацы Крашевский (1812–1887) был не только исключительно приметной творческой индивидуальностью, но и первым писателем, кому еще при жизни было предназначено завоевать широкую мировую известность и всеобщее уважение, стать в глазах общественности примером истинного творческого подвижничества. На его счету немало заслуг. Одна из них та, что именно он, считавший своими учителями “Диккенса в Англии, Бальзака во Франции, Гоголя в России”¹, положил в национальной литературе начало реалистическому типу творчества, где “роман, преследующий нравственные цели, превратился в картину эпохи, верное (насколько искусство может и должно быть верным) воспроизведение человеческой жизни, как бы современную историю общества”².

Признание пришло к писателю рано. Слава его как зачинателя нового литературного направления³, создателя социально-психологического романа, а также историка, критика, публициста, этнографа, археолога крепла год от года. Чествование в 1879 г. пятидесятилетия его творческой деятельности, на которое съехались тысячи людей, прибыли многие иностранные делегации, вылилось в подлинную манифестацию идеи народного бессмертия, поскольку “в сознании миллионов его имя, его творчество стало символом этой идеи”⁴. С тех пор, несмотря на перемены в оценках культурного наследия прошлого, Крашевский давно и, главное, неоспоримо воспринимается как гордость европейской литературы.

Вместе с тем, прозвучавший более века назад призыв П. Хмелевского “собрать и поставить на службу народу творения выдающегося автора”⁵, хотя уже и нашел самый энтузиастский отклик филологов⁶, все еще воспринимается, как актуальная задача. Так, крупный знаток писателя, В.Данек, подчеркивает: “Необходимо помнить, что мы до сих пор не

открыли и не использовали всех материалов, относящихся к писателю, что постоянно находимся на стадии исследований и “открытий” в этой сфере (...)”⁷.

Распорошенность значительной части творческого наследия Крашевского объясняется, главным образом, двумя причинами. Во-первых, само по себе оно было огромным; его создатель принадлежал к числу особо плодовитых художников, за что заслужил прозвища “титан труда”, “человек-институт” и т.п. Во-вторых, он, подобно А. Мицкевичу, Ю. Словацкому, З. Красиньскому, Ц.К. Норвиду, Б. Залесскому, М. Чайковскому и многим другим польским литераторам той поры, был обречен на неустроенную жизнь эмигранта, много странствовал (скорее – скитался) по всей Европе⁸, и эти постоянные перемещения отнюдь не содействовали сохранению его личных материалов.

Писатель более двадцати лет прожил на Украине⁹. Он бывал в Киеве, Одессе, Львове, но большую часть этих лет провел на Волыни, входившей тогда в состав литовского государства. С 1834 г. он жил в родительском имении Долге Гродненского уезда, затем – в деревнях Омельно, Городок, Губино, а с 1853 г. - в Житомире¹⁰.

Материальные памятники, связанные с жизнью Ю.И. Крашевского, в большинстве своем не сохранились. Не уцелело имение в с. Городок – хозяйский дом со службами сгорел во время Великой Отечественной войны в феврале 1944 г.; представление о том, как он выглядел, передают сделанные в 1936 г. фотографии внешнего вида и интерьера здания, ныне включенные в состав экспозиции Волынского краеведческого музея (г. Луцк). Однако в селе Макаревичи - новое название бывшего Омельно – до сих пор есть парк, когда-то посаженный Крашевским. А в Торчинском народном краеведческом музее Луцкого района Волынской области имеются личные вещи писателя (шкаф и зеркало), подаренные Г.И. Крещук.

Поиски же отсутствующих фрагментов “крашевскианы” неминуемо приводят в Киев. Именно здесь в результате общей тенденции к централизации архивного хранения оказалась сосредоточена внушительная часть материалов польского литератора, сохранившихся на Украине. Их массив, довольно большой по своему объему и весьма разносторонний по содержанию, еще не описывался, вследствие чего само его существование практически неизвестно исследователям славянских литератур, в то время как обращение к нему способно заполнить имеющиеся лакуны в наших знаниях об этом писателе, пролить свет на ряд сложных проблем, дать окончательные ответы на все еще нерешенные вопросы.

В первую очередь следует сказать о многочисленных польскоязычных письмах Ю.И. Крашевского¹¹, хранящихся в Институте рукописи ЦНБ НАН Украины. Они, как и переписка любого другого писателя, заслуживают самого пристального внимания, ибо раскрывают нам внутренний мир автора, его устремления, заботы, надежды и тревоги; служат неоценимым по достоверности комментарием к его трудам, источником неизвестных подробностей о повседневном течении литературной и сугубо бытовой жизни его времени. Знакомство с ними приближает к нам Крашевского, человека, гражданина, творца. Не случайно письма великого романиста многократно публиковались как на его родине¹², так и у нас¹³. Им посвящались специальные исследования¹⁴. Более того, издана даже часть обширной корреспонденции на его имя¹⁵.

Что касается первой группы, то она поступила в фонды академии из Уманского краеведческого музея, куда, в свою очередь, перешла от А.К. Жолкевского – тамошнего польского помещика, библиофила и коллекционера. Она чрезвычайно обширна, так как содержит 221 письмо, составляющее 432 листа убористого текста. Не менее внушительны хронологические рамки переписки, которые охватывают время с 11 марта 1869 г. по 26 апреля 1876 г. и с сентября 1878 г. по 2 марта 1887 г.

Адресатом этой эпистолярной переписки был соотечественник Крашевского, с 1851 г. парижанин по месту жительства, Владислав Ходзькевич (1820–1896) – человек весьма разносторонних интересов¹⁶. Их знакомство, начавшись еще в 1843–1847 гг. на Волыни, постепенно переросло в крепкую мужскую дружбу близких по духу людей, которая оказалась неподвластной времени, ведь последнее письмо Ходзькевичу [ед.хр. 1309] Крашевский отправил за две недели до своей кончины.

Согласно сведениям, приводимым М. Руликовским, по состоянию на 1939 г. выявленными числились только письма Ходзькевича к Крашевскому (185 писем, датированных 1845–1887 гг.)¹⁷. Несколько иные данные находим в авторитетном библиографическом издании “Новый Корбут”; 179 писем (3 от 1845–1847 гг. и 176, написанных в период 1869–1887 гг.)¹⁸.

Таким образом, уже одно простое количественное сопоставление позволяет говорить об установлении существования комплектности переписки между Крашевским и Ходзькевичем и, тем самым, вселяет надежду на ее возможное обнародование в обозримом будущем. Речь идет об эпистолярном диалоге между двумя писателями, образованнейшими людьми того времени, обладавшими не только широким кругозором, но и собственным мнением по поводу происходившего в мире, а такой материал обладает бесспорной историко-литературной значимостью.

Этот многолетний обмен письмами по самому своему тону скорее напоминает дружественный разговор, всегда ровный, неизмеримо почтительный, иногда подробный и обстоятельный, но чаще всего торопливый, “на бегу”. Письма писались Крашевским нередко с интервалом всего в 2-3 дня и шли как бы вдогонку друг другу. Обсуждаемые в них вопросы возникали вновь и вновь, даже если между первым и последующим упоминанием о них проходили годы, многое же затрагивалось походя, чтобы больше к нему не возвращаться. Они рождались в разных городах Европы, и пункты их возникновения, словно точки на карте, отмечают маршруты перемещения Крашевского: Варшава, Дрезден, Франкфурт-на-Майне, Тулон, Херес, Вильдбад, Эмс, Берлин, Магдебург, Генуя, Сан-Ремо, Монтре, Флоренция, Женева. Столь же впечатляет и круг затрагиваемых в них предметов: здесь и обмен мнениями о событиях в политической, общественной, культурной жизни европейских стран, и информация о чисто профессиональных заботах (ход работы над отдельными произведениями, переводческая деятельность, отношения с издателями, конъюнктура книжного рынка и т.п.), и обсуждение обстоятельств личной жизни.

В частности, Ю.И. Крашевский подробно пишет о политических разногласиях между Россией и Пруссией; в своих частых исторических экскурсах затрагивает события прошлого Польши, Франции, Австрии, Пруссии. Его немало занимает личность последнего польского короля С.А. Понятовского, по делу издания писем которого он хлопочет в начале 80-х гг. [ед. хр. 1181, 1196]. Писатель уделяет много места сложным перипетиям создания и публикации таких своих произведений, как “Старое предание”, “Сумасбродка”, “Крестьянский король”, “Задора”, “Приключения пана Марка Гиньчи”, “Графиня Козель” и др. [ед. хр. 1121, 1145–1149, 1254–1256]. Здесь же – о срыве своих соглашений с “Газетой Цодзенной” [ед. хр. 1162], о литературном конгрессе в Риме [ед. хр. 1115], о подарке португальскому королю сочинений Шекспира [ед. хр. 1182–1183], о своем посещении Эмса [ед. хр. 1202], о коллекционировании гравюр Фалька и Гондиуша [ед. хр. 1241, 1249], о популярном издании сочинений поэта-романтика Б.Залесского [ед. хр. 1290], о полученных письмах от Ц.К. Норвида [ед. хр. 1215], о своих переводах из Плавта [ед. хр. 1094] и т.д. В письмах рассыпаны спорадические высказывания по поводу творчества Я. Длугоша, Г. Сенкевича, Ф. Скарбка, А. Мицкевича, Э. Ожешко, В. Скотта, И.-В. Гете, В. Гюго, Жорж Санд, Стендаля, Э. Золя и многих других известных писателей, уже одно перечисление которых заняло бы слишком много места.

В письме, отправленном из Дрездена 26 апреля 1876 г., Крашевский пишет о тяжелой ситуации на польских землях: “У вас печаль, – но не

лучше и здесь, – в стране. В каждой ее части слышатся иные крики, иная боль, но отовсюду пищут и жалеются (...), все свидетельствует о разложении, вырождении, неверии в будущее” [ед. хр. 1093].

Особую ценность имеет пространное письмо, датированное 20 ноября 1880 г., где его автор, по просьбе Ходзькевича, приводит целый ряд своих биографических данных. Так он сообщает: “В момент революционного взрыва 1830 г.¹⁹ мы состояли в литературном обществе, но под влиянием событий характер его, естественно, изменился. Хотели тотчас же отправиться в Вильно к повстанцам. Один из сообщников пошел покупать пистолеты. Шли за ним, вернулся в мое жилище, нас уличили, а он (не хочу называть его имени) всех выдал. Д[ня] 4 декабря 1830 меня арестовали, взяли под стражу, приговорили сперва к смерти, после - в простые без выслуги солдаты на Кавказ” [ед. хр. 1104]. Касаясь же причин вынужденной эмиграции в начале 60-х гг. из-за нападков на него как редактора “Газеты Польской”, Крашевский подчеркивает: “Вследствие моих убеждений и моей натуры могу сказать, что в течение всех этих лет 1860–1862 находился всегда между молотом и наковальней, никогда ни на кого не мог полностью рассчитывать и остался в оппозиции со всеми (...). Правда лишь то, что с самого начала требовал (...) предоставления свободы, снятия цензуры. Говорил им, что, иначе как на собственную ответственность и риск для собственной шеи, пресса не снискает доверия” (там же).

В кратком обзоре не представляется возможным дать сколько-либо полное представление об этой большой и во всех отношениях познавательной переписке, вводимой данной публикацией в научный оборот. Предстоит ее изучение, так как “только доскональное знакомство с корреспонденцией Крашевского позволит написать календарь его жизни и творчества, без чего мы до сих пор обречены на домыслы и постоянное исправление ошибок, заполнение пробелов и т.д.”²⁰.

Часть материалов Ю.И. Крашевского хранится в Отделе рукописей Института литературы им.Т.Г. Шевченко НАН Украины.

Среди них несколько альбомов его рисунков, а также наброски, выполненные на разрозненных листах²¹. Графические работы Крашевского – органическая часть его всесторонней творческой деятельности; они дают представление о характере его образного видения мира, наглядно демонстрируют свойственные ему умение экономными изобразительными средствами схватить в увиденном главное и при этом не пренебречь деталями²². В большинстве случаев это эскизные зарисовки, сделанные во время отдыха, прогулок или же путешествий. Тематикой их являются пейзажи, картины сельского и городского ландшафтов,

компоненты архитектурного убранства (ордена, капители, фризы, колонны и т.п.), растительные и геометрические орнаменты, стилизованные сюжеты из античности, флористика, изображение собственных литературных персонажей и пр. Здесь находим зарисовки уголков Романова – имения Крашевских [ед. хр. 15]. А тетрадь рисунков под общим названием “Хаос” отдаленно напоминает бытовые графические серии У. Хогарта, она включает десять рисунков, воспроизводящих историю жизни молодой семьи (“Объяснение”, “Обручение”, “Мать”, “Танец”, “Гражданская война” и др.) [ед. хр. 16].

Несомненный интерес вызывает большая серия этюдов, сделанных Крашевским во время своих поездок в Италию²³, которые и поныне числятся утраченными²⁴. Они могли бы сослужить роль прекрасных иллюстраций-заставок к его “Путевым заметкам” (1866) и тем самым обогатить содержание этой неоднократно издававшейся дневниковой прозы, где, в таком случае, авторский рисунок сопровождал бы словесное описание увиденного на итальянской земле. Например, изображение ветхого старинного замка, озаглавленное писателем-рисовальщиком “Боргетто под Римом, 6 VIII 1858” [ед. хр. 17], соответствует следующим строчкам: “...добрались поздним вечером в Боргетто, некогда якобы владение Фарнези, ибо замок, живописные руины которого здесь виднеются, называется Кастро Фарнези”²⁵.

Институт литературы располагает также авторской рукописью романа “Жизнь и приключения пана Габриэля из Газды графа Ходзьки, воеводича Подляского” (102 л.) [ед. хр. 10] и выписками на семи листах из сочинений зарубежных историков, описывающих общественно-политические события из жизни украинцев, молдаван, татар [ед. хр. 11].

Но, вне всякого сомнения, самым ценным в этом собрании является автограф полного перевода Крашевского “Божественной комедии” Данте [ед. хр. 7] – перевода, на протяжении многих десятилетий числящегося польскими²⁶ и советскими²⁷ учеными как не сохранившимся.

Творчество Данте интересовало Крашевского на протяжении всей его творческой жизни. Дантовские инспирации, мотивы, образы прослеживаются в целом ряде его произведений (“Под итальянским небом” (1845), “Божья челядь” (1857), “На кладбище – на вулкане” (1864), “Даймон” (1879), “Больные души” (1880), “В скитаниях” (1881–1882) и др.). Личности и художественной деятельности Данте Крашевский посвятил цикл своих лекций, которые читались им в 1867 г. во Львове и Кракове. Их последующее издание²⁸ дало основания считать его одним из основателей современной польской дантологии²⁹, а его капитальный научный труд – первой в Польше монографией о Данте³⁰. В 1864 г. он

предпринял опыт собственного перевода “Божественной комедии”, второго по времени возникновения, так как уже существовал перевод Ю. Корсака (1860); опубликовал его фрагменты³¹, но в конечном счете так и не издал, поскольку отдал пальму первенства появившемуся переводу своего соотечественника А. Станиславского³², более того, - помог тому его напечатать в собственной дрезденской типографии³³.

Рукопись Крашевского представляет собой объемистую (205 л.) тетрадь 36 x 21,5 см, оправленную в плотные картонные обложки черного цвета. На кожаном корешке золотое тиснение “DANTE”. В ее состав включены восемнадцать разноформатных дополнительных листов, содержащих варианты и редакции тех или других частей перевода. Рукопись хорошо сохранилась; текст, написанный черными, слегка выцветшими, чернилами и в отдельных местах – карандашом, отчетлив, хотя и не всегда разборчив. Титульный лист содержит следующие записи: заглавие – “Божественная комедия” Данте Алигьери ритмическим стихом Ю.И. Крашевского”; эпитафия из Данте на итальянском языке – “А должен это знать каждый, что любое творение, созданное по законам гармонии, не может быть переложеном со своего языка на иной, не теряя своей сладости и обаяния”; карандашный набросок левого профиля Данте; подсчет времени, понадобившегося Крашевскому для осуществления полного перевода “Божественной комедии”, из которого явствует, что “Ад” был переведен за 13 дней, столько же времени ушло на перевод “Чистилища” и несколько больше – 22 дня – продлилась работа над “Раем”.

К счастью, горькое сетование В. Данека, заметившего в одной из своих работ: “не сможем сегодня поведать, как протекала работа над переводом всей поэмы”³⁴, оказалось преждевременным – в тексте перевода датирована каждая песня, а вышеупомянутый подсчет показывает, что сам перевод был осуществлен в очень короткое время - за 48 дней, от 27 февраля по 14 апреля 1864 г.

Все же главным в данном случае является то, что из более чем векового небытия возвращается к нам еще один, по-своему важный и по-своему поучительный, опыт переложения на славянское наречие шедевра мировой литературы.

Приводим из него два небольших фрагмента, представляющих начало I и III песен “Ада”.

W połowie drogi naszego żywota
 W ciemną się puszcze znalazłem zagnany...
 Z prawego zbiwszy na błędny gościniec,
 Ciężko powiedzieć jaką była owa

Gęstwina dzika, straszliwa, zarosła...
 Śmierć o niewiele ma więcej goryczy.
 Lecz bym to dobro, które tu znalazłem
 Opisał, powiem com w niej widział więcej.
 Nieumiem wyrzec jako tu zaszedłem,
 Tak byłem pełen snu w tej życia dobie,
 Kiedy z prawego zbiłem się gościńca (...);
 [.....]
 Prezezemnie droga do bolesci grodu,
 Prezezemnie droga cierpień wiekuistych,
 Prezezemnie droga w światy zatracenia!
 Stwórcze wielkie sprawiedliwość wiodła
 Kiedy mnie Bozka tworzyła potęgą,
 Najwyższa mądrość i najpierwsza miłość,
 Nic śmiertelnego nie stworzył przedemną,
 I ja trwam także nieskończone wieki,
 Wy co wchodzicie, rzuccie tu nadzieje,
 Ciemnymi głoski ujrzałem te słowa
 U wielkiej bramy napisane szczytu. (...).

[ед.хр. 7, л.3, 9]

Еще одним источником материалов о польском писателе служат фонды Центрального государственного исторического архива Украины в г. Киеве, где собраны и уже частично каталогизованы документы, в которых прямо или же опосредовано фигурирует имя Крашевского (данные о тайном надзоре царской полиции над его общественной и литературной деятельностью, списки запрещенных произведений, сведения о торжествах по поводу пятидесятилетнего юбилея его творчества и др.). В свое время они были подробно описаны исследовательницей К. Шамаевой³⁵.

Здесь среди прочего бегло упоминается и о находящемся в архивных хранилищах письме Крашевского от 26 мая 1859 г. к “неизвестному адресату”³⁶. Между тем и сам характер этого письма, и обстоятельства его написания заслуживают более пристального внимания. Суть дела в том, что в 1859 году романист издал во Львове свои “Волынские вечера”, где необычно остро критиковал тогдашнюю шляхту за самолюбование, социальную апатию, лень и разложение. Брошенные им упреки были настолько резкими и своевременными, что послужили своего рода запалом громких споров. Прогрессивно настроенная часть общества, так называемые “молодые”, горячо приветствовали появление этого произведения, в то время как консерваторы, “старые”, вспыхнули к

автору особой неприязнью, называя его Робеспьером, Маратом и т.п. Тогда же в Киеве “молодые” решили направить в поддержку писателя два письма: одно с выражением признания общественных и творческих заслуг Крашевского; второе, более обстоятельное, являлось чем-то вроде обязательства свыше ста подписавшихся под ним человек содержать народные школы, всемерно содействовать поднятию культуры. Киевляне направили в Житомир к писателю с этими письмами трех делегатов - Л.Совиньского, В.Лясоцкого и Т.Ожеховского. В сохранившихся воспоминаниях близкого к революционно-демократическим кругам поэта Л.Совиньского читаем: “Мы повезли сто с лишним подписей “Молодого поколения” – 60-летних граждан, 40-летних профессоров, 17-летних студентов (...). Ответ его (Ю.И.Крашевского. – В.В.) в письменном виде, очень сердечный и благородный, я долго хранил, пока он не пропал. А жаль. Можно было бы его напечатать”³⁷.

Учитывая, что это писалось в 1878 г., трудно упрекнуть Л.Совиньского в сознательно допускаемой им неточности. Письмо-воззвание Ю.И.Крашевского к прогрессивным силам польского народа было изъято 7 апреля 1868 г. во время обыска у Б.-Л.Совиньской, по определению жандармских чинов, “жены известного польского агитатора”³⁸. В отчете об этом обыске ими сообщалось: “... в альбоме находилось письмо в патриотическом духе Крашевского, адресованное безлично, писанное 26 мая 1859 г. из Житомира. Письмо это, надо полагать, вызвано приглашением его, Крашевского, Совиньским и тому подобными, по собственному выражению Крашевского, принадлежащих к “молодому поколению” - принять участие в деле восстания (...) насколько можно из него судить, то Крашевский также должен был играть не последнюю роль в последнем польском восстании”³⁹.

Это письмо важно как значимая, но считавшаяся утраченной, страница политической и творческой биографии Крашевского; как документ программного характера, в виде меморандума выражающий суть его гражданской и писательской платформы конца 50-х годов, дающий представление об уже сложившемся к тому времени стремлении автора соединять патриотические призывы с лозунгами позитивистского толка: “С живой благодарностью воспринял я обращение, знак сочувствия молодого поколения, не личности – поскольку она в больших делах бытия имеет малый вес – но засадам и идеям, которые двадцативосьмилетним трудом старался поддерживать.

(...) Не требовал и не требую от нас сверхчеловеческих жертв, но веры, настойчивого труда для будущего страны, уважения прошлого, верности принципам, которыми оно руководствовалось, готовности к жертвам ради общего блага.

(...) С верой, с созиданием, с надеждой пойдем дальше, не оглядываясь на шумиху и крики, куда зовет долг, куда призывает обязанность, ибо достойнее пострадать за правду, чем отречься от нее ради праздного спокойствия”⁴⁰.

В свете всех приведенных материалов мысль о том, что дальнейшие поиски в области рукописного наследия Ю.И. Крашевского могут принести находки, открыть совершенно новые подробности его биографии и творчества, кажется не лишено оснований. Насколько она справедлива, покажет время.

¹ *Kraszewski J.I.* Listy do redakcji “Gazety Warszawskiej”. – Цит по. Józef Ignacy Kraszewski / Mat. zebrał i wstęp. opatrzył W. Danek. – Warszawa, 1963. – S. 150.

² Ibidem.

³ См.: *Ведіна В.П.* Біля джерел критичного реалізму (Гоголь - Крашевський - Квітка-Основ'яненко) // Рад. літературознавство. – 1984. – № 4. – С. 26.

⁴ *Лунатов А.В.* Юзеф Игнаций Крашевский // История польской литературы. – М., 1968. – Т. 2. – С. 382.

⁵ *Chmielowski P.* Józef Ignacy Kraszewski. – Kraków, 1988. – S. 14.

⁶ См.: Stan prac badawczych nad twórczością J.I. Kraszewskiego // *Biul. Polonistyczny.* – 1958. – N 2. – S. 23-29; *Danek W.* O program badań nad życiem i twórczością Kraszewskiego // *Pamiętnik Literacki.* – 1960. – N 1. – S. 1-26.

⁷ *Danek W.* Józef Ignacy Kraszewski. – Warszawa, 1973. – S. 6. Аналогичная мысль высказывалась и советской наукой. – См.: *Баскаков В.Н.* Библиографическое исследование о Ю. Крашевском // *Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз.* – 1969. – Т. 28, вып. 5. – С. 472.

⁸ См.: *Burkot St.* Podróże Józefa Ignacego Kraszewskiego // *Ruch Literacki.* – 1987. – N 3. – S. 165-179.

⁹ См.: *Кирчів Р.Ф.* Крашевський і Україна // Рад. літературознавство. – 1968. – № 8. – С. 75-85.

¹⁰ Живописный украинский колорит стал фоном таких произведений прозаика, как “Воспоминания о Полесье, Вольни и Литве” (1840), “Уляна. Полесский роман” (1843), “Древняя Литва” (1847), “Вольнские вечера” (1859), “На Полесье” (1884).

¹¹ ЦНБ им. В.И. Вернадского НАН Украины. Ин-т рукописи, ф. XXIV, ед. хр. 1089-1309.

¹² *Kraszewski J.I., Lenartowicz T.* Korespondencja / Do druku przygot. W. Danek. – Wrocław, 1963; *Kraszewski J.I.* Listy do Adama i Joanny Miloszewskich, rodziny Langie, Walerego Eliasza-Radzikowskiego. – Wrocław etc., 1966; *Kraszewski J.I.* Listy do rodziny, 1820-1863. – Kraków, 1982. – Cz. 1. См. также: *Turowska-Barowa I.* Kraszewski i Balucki (z nieznannej korespondencji) // *Księga ku czci Józefa Ignacego Kraszewskiego / Pod red. I. Chrzanowskiego.* – Łuck 1939. – S. 279-283; *Dubicki T.*

Korespondencja między J.I.Kraszewskim a Marianem Dubickim // *Ibid.* – S. 455-483; *Slizincki R.Z* korespondencji J.I.Kraszewskiego z Czechami. – Warszawa, 1962; *Szelag Z.* Nieznane listy J.I.Kraszewskiego do Christine del Negro // *Ruch Literacki.* – 1973. – N 4. – S. 261-264.

¹³ *Прокофьева Д.С.* Письма Ю.Крашевского В.В.Стасову // *Славянский архив:* Сб. ст. и материалов. – М., 1962. – С. 243-257; *Баскаков В.Н.* Письма русских литераторов и ученых Ю.И.Крашевскому // *Славянские литературные связи /* Под ред. М.П.Алексеева. – М., 1968. – С. 213-220; *Крашевський Ю.І.* (1812-1887). Епістолярій // *Всесвіт.* - 1988. – № 1. – С. 140-147.

¹⁴ *Bar.A.* Index korespondencji J.I.Kraszewskiego plazechowywanej w zbiorach Biblioteki Jagiellońskiej. – Kraków, 1929; *Rulikowski M.* Korespondencja Kraszewskiego. – Łuck, 1939; *Kajtoch J.* Praca nad wydaniem korespondencji J.I.Kraszewskiego // *Biul. Polonistyczny.* – 1958. – N 2. – S.61-69.

¹⁵ *Bartoszewicz K.* Korespondencja J.I.Kraszewskiego // *Przegląd Lit.* – 1897. – N.24. – S.5-7; *Konieczny J.* Listy z Pomorza do Józefa Ignacego Kraszewskiego // *Ruch Literacki* - 1962. – N.6. – S. 322-327; *Listy śląskie do Józefa Ignacego Kraszewskiego z lat 1841 (1846) – 1886 /* Oprac. J. Polspiech. - Opole, 1966.

¹⁶ Довольно таки отличившийся, хотя сейчас фактически полузабытый деятель польской культуры XIX века, романист, драматург, переводчик (одним из первых взялся за перевод на французский "Слова о полку Игореве"), ориенталист, историк, общественный деятель. Занимал должности вице-председателя Историко-литературного общества в Париже, вице-председателя международного съезда писателей в Лиссабоне (1880 г.); а также ассессора Польской публичной библиотеки в Париже. Был достаточно хорошо знаком с рядом видных польских писателей, среди которых находились А. Мицкевич, С. Гоциньский, Б. Залесский, К. Гащиньский, Ц.К. Норвид; критиком А. Креховецким; художником Ю. Коссаком и др. Ему адресовано посвящение известного романа Ю.И. Крашевского "Крестьянский король" (1881 г.) в знак "искренней дружбы, уважения и благодарности" (*Kraszewski J.I. Król chłopów.* – Warszawa, 1955. – S. 1).

¹⁷ *Rulikowski M.* Op. cit. – S. 19-20.

¹⁸ *Bibliografij Literatury Polskiej / Nowy Korbut.* - Warszawa, 1968. - Т. 7. - S. 203

¹⁹ Речь идет о национальном восстании, которое началось в ноябре 1830 г.

²⁰ *Danek W.* O program badan nad... – S. 11.

²¹ Институт литературы им.Т.Г.Шевченко НАН Украины Отдел рукописей, ф. 40, ед. хр. 12. По всей видимости, это то собрание (свыше 200 рисунков), о котором "Польский Биографический Словарь" ошибочно сообщает, что оно находится в "музее Киева" (*Polski Słownik Biograficzny.* – Warszawa ; Kraków, 1970. - Т. 15/1, z. 64. - S. 227).

²² См.: *Olszewski M.* J.I.Kraszewski jako rysownik // *Tydzień.* – 1906. – N 2. – S. 3-4.

²³ См.: *Swierszawski S.* Charakter i cel podróży J.I.Kraszewskiego do Włoch // *Ruch Lit.eracki.* – 1968. – N 2. – S. 109-116.

- ²⁵ *Kraszewski J.I.* Kartki z podróży, 1858-1846. – Warszawa, 1977. – S. 372.
- ²⁶ *Zipper A.* O J.I.Kraszewskiego przekładzie “Boskiej Komedji” // *Dz. Polski.* – 1895. – 14 wrzes. – S. 2; *Dante w Polsce. Bibliografią przekładów dzieł jego...* / Oprac. S.P.Koczorowski. – Kraków, 1921. – S. 22; *Prejsner W.* Dante i jego dzieła w Polsce. Bibliografia krytyczna z historycznym wstępem. – Toruń, 1957. – S. 58, 112.
- ²⁷ *Горский И.В.* Крашевский и Данте // *Дантовские чтения*, 1968. – М., 1968. – С. 33; *Голенищев-Кутузов И.Н.* Творчество Данте и мировая культура. – М., 1971. – С. 451.
- ²⁸ *Kraszewski J.I.* Dante. Studia nad “Komedią Bozką” // *Rocz. Tow. Przyjaciół Nauk Poznańskiego.* – 1869. – Т. 5. – S. 95-189.
- ²⁹ *Chmielowski P.* Op. cit. – S. 87.
- ³⁰ *Prejsner W.* Op. cit. – S. 34–35.
- ³¹ *Biblioteka Warszawska.* – 1866. – Т.1. – S. 389–398 (XI песня “Чистилица”); *Sobóika.* Księga zbiorowa zbiorowa na uczczenie jubileuszu S.Goszczyńskiego. – Lwów, 1875. – S. 127-131. (XXXI, XXXII, XXXIII, песни “Рая”).
- ³² *А.Станиславский* (1817-1883), польский выходец, юрист, профессор Казанского (1843-1854) и Харьковского (1855-1869) университетов.
- ³³ *Boska Komedja / Prezekł A. Stanislawskiego.* – Poznań etc, 1870 – Drukiem J.I. Kraszewskiego w Drażnie.
- ³⁴ *Danek W.* Józef Ignacy Kraszewski. – S. 477.
- ³⁵ *Szamajewa K.* Nieznane archiwalia ukraińskie o Kraszewskim // *Studia Polono-Slavica-Orientalia. Acta Litterria* – Wrocław ; Warszawa, 1980 – Т. 6. – S. 115–127.
- ³⁶ *Ibid.* – S.118.
- ³⁷ Цит. по: *Danek W.* Józef Ignacy Kraszewski. Zarys biograficzny. – Warszawa, 1979. – S. 142.
- ³⁸ ЦГИА Украины (г. Киев), ф. 442, оп. 818, д. 104, л. 3.
- ³⁹ Там же, л. 3–3 об.
- ⁴⁰ Там же, л. 22–22 об. 23.